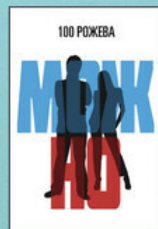

Татьяна 100 Рожева

Сержант запаса

*Часть сборника
Можно (сборник)*

Татьяна 100 Рожева

Сержант запаса

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8709321

Аннотация

«Третьего января ужинать дома не хотелось. Фантомы останков новогоднего стола, возглавляемые стекшим оливье, загнали меня в ресторан. Возьму что-нибудь легкое и свежее, – думала я, рыгая осетриной. Она потеряла свежесть первой, лежа всю ночь ближе к президенту и демонстрируя ему возросшее благополучие россиян...»

Татьяна 100 Рожева

Сержант запаса

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Третьего января ужинать дома не хотелось. Фантомы останков новогоднего стола, возглавляемые стекшим оливье, загнали меня в ресторан.

Возьму что-нибудь легкое и свежее, – думала я, рыгая осетриной. Она потеряла свежесть первой, лежа всю ночь ближе к президенту и демонстрируя ему возросшее благополучие россиян.

В ресторане, полупустом в мирное время, был возмутительный аншлаг. Ни одного свободного места! Ну и жрать здоровы, россияне! Все только из-за столов и опять жрут! Куда лезет то!

– Что это все так оголодали? Даже сесть некуда! – Посетовала я зарумянившейся от бега официантке.

– Ой, это каждый раз так после Нового года! – Притормозила она, закатив глаза, – сами удивляемся. Подождите, пожалуйста. Освободится, я Вас посажу.

– Ну, нет! Я ждать не хочу! Я есть хочу! – Выставила я вперед ногу, как ребенок, которому Дед Мороз зажал подарок.

Официантка развела руками, виновато улыбнувшись.

– Сударыня, не желаете присесть за мой столик? Я один! – Раздался слева мужской голос. Я обернулась. Невысокий приталенный шатен. Рубашка в сине-зеленый цветок, шелковое кашне, бачки, очки, улыбка.

– Спасибо.... Хочу!

– С наступившим Вас! Давайте познакомимся! Я Михаил. – Слегка поклонился он, садясь.

– И Вас с наступившим! Татьяна.

– Очень приятно! – Произнес он, разглядывая меня.

Румяная официантка на бегу метнула меню, заговорщицки улыбнувшись.

Мужчина продолжал любоваться.

– Михаил! – Сказала я. – Я сейчас закажу еду, а потом буду ее, извиняюсь, есть! Вы так и будете на меня смотреть?

– Если Вас это смущает, я могу смотреть в окно или на потолок, но смотреть на Вас несравнимо приятнее. – Признался он.

– Вы, наверное, художник или фотограф?

– Я и то и другое. И еще я музыкант, инженер, акробат, поэт, – улыбнулся он.

– Экая Вы затейливая натура!

– Вы совершенно правы! Я затейливая натура, и чтобы Вы не мучились угадываньем, я с Вашего позволения расскажу немного о себе, пока приготавливается мое незамысловатое блюдо.

– А что Вы заказали?

– Шницель с картофелем. Это моя любимая еда. Компенсирую собственную затейливость простой пищей.

– Логично! – Заметила я. – Внимательно слушаю Ваш рассказ о вас!

– Внимательно рассказываю! – Приосанился Михаил, пробарабанив вступление пальцами по столу. – Я занимаюсь конструированием чего-то очень интересного типа роботов и управляю производством, с удовольствием занимаюсь музыкой, играю в оркестре, провожу время с маленьким сыном, ему семь лет. Мы играем, ломаем и потом чиним игрушки. В беседе люблю играть словами, подсмеиваясь над собой и окружающими, ценю быструю реакцию, глубину ассоциаций и широту взглядов. Ценю и навожу порядок, удобство, организованность и комфорт. В недалеком еще прошлом был с

головой вовлечен в КСП, это клуб самодеятельной песни. Не знаю, застали ли Вы такую организацию. Также занимался водным туризмом. Несмотря на это, тяготел к проявлению аристократизма и перфекционизма, впрочем, все это без фанатизма, но до сих пор. Я разведен, но не пропало желание заботиться не только о детях, но и о взрослом, конечно же, женщине, конечно же – единственной и неповторимой. В душе я нежный и ласковый, и еще очень добрый. Иногда это прорывается наружу. Вот как сейчас.... Теперь Ваш ход, Татьяна! Кто Вы?

– Возьму? – Схватил наш третий стул мужчина с блестящей лысиной.

Мы не успели ответить, как его лысина уже отсвечивала за соседним столом, продолжаясь грушей фигуры в корзине похищенного стула.

Михаил красноречиво-осуждающе глянул в сторону неприятеля, но промолчал.

– Так кто Вы? – Повторил он вопрос.

– Наверное, не смогу представить себя таким же емким рассказом. Вот так, сейчас и здесь. Видимо, больше закрыта. И мне еще не все понятно про вас! Почему Вы не упомянули о стихотворчестве? Вы же сказали, что поэт. Ваше шелковое кашне говорит именно об этом. Или вы непризнанный поэт? Три «н» в слове «непризнанный» по-моему, априори не дает

никаких шансов.

– Мое кашне? – Тронул он шею, – ну да, конечно. Каза-нова еще так ходил. Специально, чтобы создать зацепку для невинных девичьих глаз. А еще коты ходят, подняв хвост трубой. И они тоже делают это специально. Количество «н» при определении поэта зависит от степени его непризнанности, так что допустимы различные варианты. И если Вы не хотите рассказывать о себе сейчас и здесь, придется подобрать для Вас другую обстановку. Какую Вы предпочитаете?

– Ловко Вы выкруливаете, Михаил! Чувствуется хвост трубой! Предпочитаю, чтобы во время рассказа лысые невоспитанные люди не выносили мебель.

– Ваш салат и ваша дорадо! – Официантка на лету, словно бомбардировщик, сбросила часть груза мне, направляясь к неприятелю в нашем стуле.

– Мало того, что стул упер, его еще и кормят вперед! – Проворчала я.

– Оставьте его, – поморщился Михаил. – Это гегемон, они не бывают другими. Простота, которая хуже воровства. Давайте о нас. Я желаю, чтобы мы еще повидались и пообщались. Только просто и доверительно, без лишней игры. Даже Вам это не нужно, право!

– Думаете без игры лучше? – Выдавила я лимон на рыбью тушку. – Давайте представим: Вы мне не спеша рассказываете, как вам хочется душевности от женщины, какие у вас

были неудачные или удачные браки, каких успехов добились дети и как вас уважают на работе. И я в ответ выдаю симметрию. Просто и доверительно. Неизвестно, с какой пьяной радости, правда, ведь мы едва знакомы... И что? Лично мне уже скучно. А вам? Это я к тому, что игра и есть самое интересное. Все остальное как следствие.

– Я не говорил «без игры»! Я сказал «без лишней игры». – Напомнил Михаил. – И я не буду говорить Вам про свои бывшие брачные отношения, про своих бывших женщин. Это касается только меня. Я не буду говорить про успехи детей и про степень уважение на работе. Это чересчур для Вас абстрактно и малоинтересно, поскольку Вы не знакомы ни с детьми, ни с работниками. Еще я не буду говорить про текущие производственные проблемы. Тон задаете Вы. Вы размечаете дорогу, я нахожу способ по ней идти. Вы ведете игру – я веду так, как привык и умею. Вы навязываете правила, я их принимаю. Или не принимаю. Думаю, что Вы это неплохо знаете. Так уж устроен мир. Я тоже об этом немного знаю.

– Хорошо. Давайте размечу, пока краска не высохла.

– О! – Проследил Михаил траекторию моей маслины от тарелки до рта. – Путем замысловатых логических размышлений и длительного скрупулезного анализа, я установил, что размечают хорошей быстросохнувшей краской. Оказывается, разметка – это направляющая линия для меня, чтобы с пути не сбился! Как приятно ощущать неумолимую заботу о себе!

– Какая-то зловещесть есть в словосочетании «неумолимая забота». Вам не кажется? Умоляй – не умоляй – опекун уже прицелился.

– «Как приятно» – для меня это цитата из мультфильма «Добро пожаловать». – Сглотнул он слюну. – Необходимо смотреть, смаковать, наслаждаться... Особенно это удастся, если находящийся рядом тоже понимает, когда нужно смаковать, а когда – просто наслаждаться...

– Ваш шницель с картофелем, – скинула на бреющем полете заказ румяная официантка.

Михаил удовлетворенно расстелил на коленях салфетку и взялся за еду. Ел он, тщательно пережевывая пищу и дыша продуманно оставленными на скулах бачками.

– Игра... Как много в этом звуке! – Оторвался он от шницеля, – я вспомнил, что есть игра в маске, а есть игра как способ жизни. Я исповедую второе. Как и Вы?

– Как и я. – Согласилась я.

– Ну, слава богу. Выяснили.

Он аккуратно нарезал ломтики шницеля и картофеля, транспортируя их в рот в строго насаженном друг на друга виде. Я перестилала кусочки рыбьей тушки листьями зеленого салата. Наши занятия были схожи. Мы улыбнулись друг другу как коллеги.

– А я сегодня был на репетиции. – Сказал Михаил, замедлив транспортировку. – Получил удовольствие, значит, был не зря.

– На репетиции чего?

– Оркестра. В школе нас было четыре пацана с гитарами и прочим. Я вырос, и сегодня нас было тринадцать человек. То есть, вырос в три с небольшим раза. И я приятно возбужден!

– Приятно возбуждены трехкратным увеличением?

– Трехкратным с небольшим, замечу!

– А как же Ваша акробатическая ипостась? Или мне слышалось, что Вы назвались акробатом?

– Назвался, да. От Вас ничего не скроешь! В бытность свою ребенком я занимался гимнастикой, а сравнительно недавно, лет восемь назад захотелось восстановить эти ощущения – владения собственным телом. В гимнастику взрослых не берут, и я занялся акробатикой и прыжками на батуте. Специально поехал в институт физкультуры, нашел там кафедру акробатики и узнал, где можно в Москве заниматься прыжками. Это довольно редкое по запросам занятие. Не футбол ведь и не теннис. Со мной тренер-женщина работала, мастер спорта. Потом я ушел от нее.

– Почему? Случился роман?

– Нет. Не поэтому. Хотя она очень симпатичная женщина. Я не позволяю себе смешивать занятия, которые смешивать не стоит.

– Какой у вас правильный подход к акробатике...

Михаил промокнул рот салфеткой, дожидаясь последние спаренные кусочки любимой еды.

– Сударыня, я понял, что беседа с Вами может не иметь конца. – Сказал он. – Позвольте предложить Вам последнее слово, а я промолчу, и оно останется за Вами. Мне надо еще успеть к сыну. И позвольте Вас отвезти?

– Позволяю два раза.

Я с трудом втиснулась в сиденье маленькой машинки, по звуку мотора не отличимую от машинки для снятия катышков.

– Вам самому-то не тесно здесь?

– Нет. Меня устраивает. Я один. Мне больше не надо. Если появится женщина, куплю побольше.

– А если крупная женщина?

– Крупную я не потяну...

Возле дома он взял мою руку за средний и указательный палец.

– Я, несомненно, хотел бы быть птичкой, чтобы летать и чирикать возле вашей шляпки! Но, увы, формат чириканья мне тесен, а букв слишком мало, чтобы выразить все то, что. Остаются другие средства – почта, телефон, вокзал. Если Вы отдадите мне хотя бы почту, то уже сегодня, до нуля часов, я чирикну, то есть чиркну вам пару строк впечатлений. А если

пожалуйте и телефон, то завтра еще и позвоню!

Почта и телефон были переданы без боя.

Ровно в 00.00 пришло письмо.

От кого: Михаил Пименов.

Тема: «Без темы»

Не могу обрести равновесие. Какое-то смятение, право, как в 16 лет. Системно все очень просто: я с таким ранее не сталкивался, поэтому и не знаю, что будет дальше. Вы все понимаете с полуслова, и адекватно реагируете. Но при этом вы отнюдь не мой брат, хотя тоже младше...

00.05

От кого: Татьяна Сторожева

Тема: Re: «Без темы»

Я тоже в смятении. Особенно от фразы «количество «н» зависит от непризнанности поэта»... Вы похожи на все, что мне нравится – чувство ритма, словоблудие, рубашка в цветочек и шелковое кашне! Фантом симпатий какой-то.... Не боитесь?

00.11

От кого: Михаил Пименов.

Тема: Re [2]: «Без темы»

Я вероломно воспользуюсь вашим смятением. Оттого, что я сам еще перее в него попал, а так же оттого, что просто этого хочется. Я всенепременно позвоню вам завтра, сейчас уже неприлично беспокоить по пустякам приличную девушку. Сегодня мне остается только пожелать вам спокойной ночи!

Назавтра Михаил задействовал телефон.

– Добрый ли Вам вечер, Танечка?

– Добрый. А Вам, Михаил?

– И мне. По поводу «не боитесь»: когда я работал на стройке, – монтажники на верхних отметках, прежде чем что-то вывалить или сбросить вниз кричали зычно «Бо-о-ойся-я-я»! Я уже ничего не боюсь, я вернулся с репетиции известного раздувшегося квинтета, выпил в награду за удачное возвращение глоток коньяка, и занялся хозяйственными делами.

Завтра вечером я укладываю спать сына, поэтому быть мне фантомом минимум до вторника. На вторник я заказал столик на двоих в ресторанчике неподалеку от Рижского вокзала. Сейчас праздники, и в этом месте невоспитанные люди, надеюсь, не будут выносить мебель.

– Что было на репетиции?

– Сегодня на репетицию саксофон-баритон принес флейту-пикколо и мастерски на ней исполнил, в числе прочих хитов, мелодию, на которую охотно шел полосатый слон. А потом рассказал, что на параде на Красной площади, в составе сводного оркестра, это около шестисот человек, были три такие флейты. Они очень пронзительные, поэтому больше и не надо, и они в неофициальное время друг другу подавали такие сигналы. А может быть, они и слона подманивали, не знаю, не видел, лично сам не был.

– Вот не поняла, кто свистел на флейте-пикколо на Красной площади, рискуя угодить в местное красноплощадное РУВД вместе с неадекватно раскрашенным животным.

– Это все я вам расскажу во вторник. У меня погрелся кефир и мне пора в люлю! – Завершил разговор Михаил.

Рижский вокзал под грязным снежком напоминал недо-еденный новогодний торт, засыпанный пеплом сгоревшей увеселительной пиротехники. Полупустой ресторанчик зябко помахивал стеклянными дверьми, лениво меняя сытых посетителей на очень сытых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.